
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ефим Дорош и его «Деревенский дневник»: наблюдая сельско-городские трансформации России и Ростова Великого¹

А.М. НИКУЛИН*

*Александр Михайлович Никулин – кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82. E-mail: nikulin@ranepa

Цитирование: Никулин А.М. (2019) Ефим Дорош и его «Деревенский дневник»: наблюдая сельско-городские трансформации России и Ростова Великого // Мир России. Т. 28. № 4. С. 172–192. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-172-192

В статье анализируется крестьяноведческое наследие писателя и литературного критика Ефима Яковлевича Дороша, даны характеристики основных вех его творческой биографии, иллюстрируемые отзывами современников. В первой части статьи особое внимание уделено становлению Е.Я. Дороша не только как писателя, но и как оригинального исследователя-крестьяноведа. Показано, что именно тема взаимоотношения крестьянства с городом как своеобразного симбиоза крестьянско-мещанской культуры оставалась центральной для всего творчества Е.Я. Дороша. Вторая и третья части статьи посвящены анализу первого и последнего из очерков главной книги всей жизни Е.Я. Дороша «Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник». Анализируется сравнительная трансформация сельско-городских отношений в Ростове Великом и его окрестных деревнях, описываемых Е.Я. Дорошем в очерках 1954–1955 и 1967 годов под вымышленным именем Райгорода и также по-особому названных местных селений. Доказывается, что Е.Я. Дорош был одним из пионеров исследования сельско-городской неформальной экономики Советской России. Также подчеркивается, что именно Е.Я. Дорош отмечал некоторое положительное значение элементов предпринимательства, которые советская идеология игнорировала. В заключение ставится вопрос о значении творческого наследия и метода Е.Я. Дороша для исследования современной сельско-городской России.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

Ключевые слова: Е.Я. Дорош, сельская Россия, крестьянство, мещанство, малый город, неформальная экономика, предпринимательство, бюрократия, культура

Феномен Е.Я. Дороша: становление self-made крестьяноведа-культуролога

Имя Ефима Яковлевича Дороша (1908–1972) – известное и уважаемое в русской литературе. Образ писателя, критика, искусствоведа, журналиста Е.Я. Дороша (члена редколлегий журналов «Знамя», «Москва», «Новый мир»), стиль его размышлений и письма пронизательно охарактеризованы целым рядом крупных литераторов и ученых. При этом надо заметить, что в сознании современников и потомков Е.Я. Дорош попал в разряд авторов одной книги. Подавляющее большинство его читателей и критиков прежде всего вспоминают и обсуждают «Деревенский дневник» Е.Я. Дороша – серию очерков, изначально публиковавшихся в 1950–1960-х гг. в «Новом мире», а потом выходявших отдельными книгами. Поэтому зачастую Е.Я. Дороша причисляют к когорте советских писателей-деревенщиков, который особняком располагается в пространствах советской деревенской прозы.

Есть и другая особенность читательского восприятия: многие помнят прежде всего зрелого писателя Е.Я. Дороша, который приступил к своим «Деревенским очеркам» в середине 1950-х гг. [Дорош 1990], в то время как предшествующие его сочинения 1930–1940-х гг., написанные на различные текущие темы советской жизни – про армию, партию, сельскую жизнь, – основательно забыты [Дорош 1939; Дорош 1941; Дорош 1948; Дорош 1952]. Также биографами отмечается, что в юности Е.Я. Дорош учился на художника, в молодости работал драматургом, при этом часто не упоминается, что он всю свою жизнь достаточно профессионально интересовался различными видами искусства, писал искусствоведческие очерки и эссе, достигшие авторского расцвета также в 1950–1960-е гг. [Дорош 1970].

Что касается его идейно-политических взглядов и позиций, то Е.Я. Дорош, безусловно, являлся представителем гуманистической советской интеллигенции, честным и принципиальным писателем, тем не менее старавшимся избегать открытых конфликтов с властью и прямого ей неповиновения, о чем свидетельствует печальная история разгона редколлегии журнала «Новый мир». Когда Александр Твардовский, смещенный с поста главного редактора журнала, призвал всех своих сотрудников вслед за ним дружно подать в отставку, некоторые его коллеги по разным причинам предпочли остаться в «Новом мире», среди них был и Е.Я. Дорош [Лакишин 2004; Твардовский 2009, с. 473, 491; Турков 2005].

В подтверждение всех вышеприведенных характеристик процитируем несколько весомых мнений об особенностях мировоззрения, авторского стиля и поведения Е.Я. Дороша. Так, академик Д.С. Лихачев начал свое предисловие к дорошевской книге «Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник» следующим утверждением: «В своем творчестве он не столько изображал действительность, сколько наблюдал ее и размышлял о ней» [Лихачев 1990, с. 5]. Видный германский специалист по истории русской литературы В. Казак подчеркивал: «Немногословность, наглядность изображения и убедительные диалоги – вот те достоинства

прозы Дороша, которые обусловили ее принадлежность к лучшей современной русской литературе» [Казак 1996, с. 491]. Друживший с Е.Я. Дорошем известный советский историк и археолог М.Г. Рабинович в своих эмоционально личностных воспоминаниях как-то особенно драматично охарактеризовал глубокие знания писателя русской народной и православной культуры: «Это был тонкий знаток малейших оттенков русской речи. У него всегда наготове были оригинальные, поражающие своей точностью, меткие выражения. Ефим Яковлевич любил рассказывать, как ценил это его качество Твардовский. Не помню уж, кого именно из писательского начальства главный редактор “Нового мира” поручил “поймать” члену редакционной коллегии и для какой цели. Но когда Дорош, желая подчеркнуть, что понял срочность своей задачи, ответил ему пословицей: “Лови осетра с утра – ободняет, так провоняет”, Твардовский восхищенно обратился к секретарше:

– Смотри! Откуда у этого еврейчика такое знание языка, что любой русский позавидует?

Дорош был псевдоним. Фамилия – Гольдберг.

Меня же, пожалуй, больше удивляли познания Ефима Яковлевича в области православия. Мне случалось встречать евреев, очень тонко разбиравшихся в догматике и символике этой религии, великолепно знавших священные тексты православных. Но то были обычно воинствующие безбожники, изучавшие церковь как врага.

А Дорош воспринимал православие как-то органично – не со стороны. Иногда мне казалось, что он верующий. Во всяком случае, мало кто из моих знакомых так хорошо знал и богослужебные книги, и праздники – церковные и народные, и разные обычаи, так подробно и с любовью рассказывал обо всем этом. Интерес Ефима Яковлевича к русским древностям был тоже какой-то благоговейный» [Рабинович 2005, с. 139].

Впрочем, на долю Е.Я. Дороша как при его жизни, так и после нее пришлось не только хвалебные, но и негативные отзывы. Между прочим, критические мнения об особенностях самой стилистической манеры письма Е.Я. Дороша можно обнаружить и среди недоброжелателей, и почитателей его таланта. Так, все тот же М.Г. Рабинович в своих противоречивых отзывах о деревенских очерках Е.Я. Дороша, с одной стороны, называл их «динамичными», но, с другой, «неторопливыми и даже тягучими» [Рабинович 2005, с. 139]. Другой современник Е.Я. Дороша, известный драматург Александр Гладков, не без раздражения удивлялся, почему «восхищаются скучнейшим Дорошем» [Гладков 2015, с. 114].

Это странное противоречие в разбросанных читательских мнениях – писатель «интересный» и «скучный» одновременно – очень деликатно отметил в своей статье, посвященной 100-летию юбилея писателя, Андрей Турков: «Перечитывая его “Деревенский дневник”, эту, по словам Александра Твардовского, “интереснейшую и по всем статьям замечательную книгу”, трудно не улыбнуться, встретив фразу: “Я выбрал тихую дорогу...”» [Турков 2008, с. 4]. Можно согласиться, что стиль письма и размышлений Е.Я. Дороша, насыщенный разнообразно интересными фактами, тонкими психологическими наблюдениями, подкрепляемый солидной историко-культурной эрудицией, тем не менее, действительно выглядит простым, безыскусным, негромким, иногда фрагментарным и монотонным.

Главная особенность интеллектуала Е.Я. Дороша заключалась прежде всего в его таланте внимательного и тонкого наблюдателя, вдумчивого коллекционера разнообразных фактов эмпирической повседневной реальности, которые к тому

же он постоянно сравнивал, сопоставлял в историко-культурологической сельско-городской перспективе и ретроспективе. Его талант с детства органически развивался в пронизательно сочувственных наблюдениях за провинциально-деревенской жизнью. Родившийся хотя и в уездном, но все же крупном, благоустроенном, культурном городе Херсонской губернии Елисаветграде в среде представителей типичного среднего класса (семье торговых приказчиков), Е.Я. Дорош, обращаясь к своим детским воспоминаниям, в подробностях пересказывал, насколько разнообразно внутри его родного города проявлялись:

«<...> внешние приметы деревни, воспринимавшиеся бессознательно – зрением, обонянием, слухом – и откладывавшиеся в памяти вместе с со множеством других подробностей жизни, с которыми впервые познакомишься в детскую и отроческую пору великих открытий» [Дорош 1990, с. 669–670].

И эти прорастающие из раннего детства яркие феноменологические сельско-городские ощущения у Е.Я. Дороша естественным образом сочетаются с глубокими этико-эстетическими императивами:

«Мне никто не говорил о деревне и ее людях того, что в одном из ранних рассказов Бунина говорит отец маленькому гимназисту: «Когда ты вырастешь, ты поймешь, что человек должен жить поближе к природе, любить родные поля, воздух, солнце, небо. <...> Это неправда, будто в деревне скучно. Бедности в деревне много – вот это правда, и значит надо делать так, чтобы было поменьше этой бедности, помогать деревенским людям трудиться с ними и для них. <...> Однако у меня такое ощущение, что в детстве я слышал эти или им подобные слова чуть ни не каждый день» [Дорош 1990, с. 670].

В середине 1920-х гг. семья Дороша перебиралась жить на окраину Москвы. Здесь юный Е.Я. Дорош открыл для себя новые культурологические пласты многоликой, уже столичной сельско-городской повседневности:

«Вокруг было больше поросшей травой земли, чем даже в Елисаветграде, где все улицы были мощеные, большие деревья, и не парковых – белых акаций, пирамидальных тополей, каштанов, – но берез и лип.

Я жил в Москве и одновременно как бы в деревне <...>, если иметь ввиду не пашенную деревеньку, а торговое село.

Я жил среди кустарей, ремесленников, продавцов мясных, зеленых и гастрономических лавок, рабочих маленьких предприятий, которых точности ради следует называть мастеровыми. Это были люди, родившиеся по большей части в деревне и тесно с ней связанные. Они вынесли оттуда интерес к природе, трезвость суждений, приверженность к прочно сложившемуся укладу. При всем том, пройдя городскую выучку и полировку, они отличались живостью ума, предприимчивостью, острословием.

Этот характерный для старой России социальный слой <...> принято считать невежественным, косным. Мне думается, причина здесь в том, что консер-

ватизм этой среды <...> мешает видеть поэтическую ее суть. <...> Не сознавая этого, я учился здесь русскому языку. <...> Именно тогда, лет семнадцати, я стал помышлять о литературе» [Дорош 1990, с. 676].

В этот период молодой Е.Я. Дорош был занят карьерой не литератора, а живописца, искусствоведа, драматурга. До начала 1930-х гг. он старательно учился прикладному и изобразительному искусству на курсах АККР, часто посещая выставки и театры Москвы с их буйством революционно-современных художественных и театральных стилей. Но и тогда, выбираясь на пленэры с этюдником в сельскую местность или выступая с агитбригадами по деревням, Е.Я. Дорош продолжал беспрерывно всматриваться в природу сельской жизни и впитывать ее соки.

В начале 1930-х гг. откомандированный в Кронштадт Е.Я. Дорош почти на полтора десятилетия стал военным корреспондентом. Но и в своих многочисленных армейских командировках Е.Я. Дорош сумел продолжить изучение столь дорогой его уму и сердцу крестьянской жизни. Именно в связи с переосмыслением своего армейского очеркистского опыта Е.Я. Дорош ясно сформулировал свое персональное литературное кредо:

«Эти мои рассказы были не столько о воинах, сколько о крестьянах. <...> Я пишу преимущественно о деревне, точнее сказать, о том, что прежде называлось провинцией, а теперь районом» [Дорош 1990, с. 694].

Однако возникает вопрос: что именно из достаточно несхожих понятий – деревня, провинция, район – находится в фокусе писательского интереса Е.Я. Дороша? Уникальность аналитической оптики писателя заключается именно в охвате единства, органичности не просто абстрактно-научного сельско-городского континуума, но континуума именно деревенско-провинциально-районного, повседневно-конкретного и вместе с тем долговременно культурно-исторического.

И чтобы ухватить, воссоздать эту феноменологическую ткань деревенско-провинциально-районного бытия, Е.Я. Дорош, обращаясь к описанию самых разнообразных персонажей этой среды, особо пристальное внимание уделяя чрезвычайно пластичному и многообразному образу **сельско-провинциального обывателя** в самом широком значении этого слова – от гражданина до мещанина. Именно в этих сельских обывателях, как правило, всякий раз в самых причудливых пропорциях и сочетаниях переплетаются характеристики и крестьянина, и горожанина; и мастера, и торговца; и поэта, и бухгалтера. Хотя молодость, да, впрочем, и вся жизнь писателя пришлась на времена так называемой бескомпромиссной борьбы с мещанством, Е.Я. Дорош неоднократно отстаивал свою собственную точку зрения по крестьянско-мещанскому вопросу в России. Например, вот его характерное заявление из неоконченной автобиографической повести:

«Я счастлив, что избавился от иронического, а по сути высокомерного отношения ко всему подобному, называвшемуся в те годы (1920-е гг. – А.Н.) мещанством.

Народной поэзией, мне думается, следует считать не только великую крестьянскую поэзию, складывавшуюся в течение тысячелетий, но и все то, в чем выразили себя эстетические воззрения городских низов, – ярмарочную карусель, искусно причесанные манекены в витрине парикмахерской, вывеску конфекциона, декорацию уличного фотографа с лихо скачущим джигитом, у которого на месте лица зияло отверстие, куда совывал голову клиент, бумажные цветы, наконец, канарейку, герань» [Дорош 1990, с. 683–684].

Впрочем, Е.Я. Дорош, безусловно, проводил различия между крестьянским и мещанским образом жизни. Если крестьянство – это один из древнейших и многочисленных социальных слоев, трудящийся на земле среди издавна окружающей его природы и локальной культуры, то мещанство – это относительно более молодой и динамичный сельско-городской слой, ориентированный прежде всего на всякого рода ремесленно-торговую и лишь отчасти на земледельческую деятельность. Но между этими двумя слоями нет непроходимых границ, и с отмены крепостного права и далее в XX в. между крестьянством и мещанством России можно обнаружить самые разнообразные и тесные взаимосвязи не только в экономике, но и культуре.

Если речь зашла о культуре, то, пожалуй, стоит отметить, что Е.Я. Дорош был культурологом от Бога. При жизни Е.Я. Дороша не было в России такой интеллектуальной специальности, как «культурная антропология», но именно к этой научной дисциплине лучше всего относятся как тексты деревенских очерков Дороша, так и его искусствоведческих рецензий, публиковавшихся, конечно, в жанре традиционной отечественной публицистики. Культура во всех ее проявлениях – от безымянного крестьянского рубленого дома-пятистенка, изукрашенного деревянной резьбой и стоящего рядом со старинной деревенской церковью, до ажурной архитектуры Ростовского кремля, дворянско-купеческих переулков московского ампира, живописи постимпрессионизма и российского Серебряного века – все это было душевной страстью Е.Я. Дороша.

Именно в зрелый и плодотворный период творчества Е.Я. Дороша в 1950–1960-е гг. в западной науке происходили становление и развитие новой гуманитарной научной дисциплины «крестьяноведение». В 1950-е гг. американский антрополог Роберт Редфилд выдвинул замечательную концепцию двух культур: малой культуры (локальной, крестьянской) и большой культуры (национальной, городской). Используя это аналитическое разделение Р. Редфилда, можно утверждать, что Е.Я. Дороша конечно интересовали обе культуры сами по себе, но более всего его внимание привлекали разнообразные пути их взаимного проникновения, на бытовом уровне осуществлявшегося через неутомимую мигрантско-посредническую деятельность крестьянства и мещанства.

Другое культурологическое увлечение Е.Я. Дороша связано с поиском соответствий и взаимодействий между российской и мировой культурами, и потому в своих искусствоведческо-культурологических штудиях он любил изыскивать и приводить примеры вовлеченности Руси домонгольского периода в экономические и культурные контакты с арабами и варягами, Византией и Европой.

Однажды советское руководство доверило Е.Я. Дорошу быть экскурсоводом знаменитых французов Жана-Поля Сартра и Симоны де Бовуар в их поездке в Ростов. Вспоминая подробности, Е.Я. Дорош не без удовольствия отметил, что французы сравнили котловину озера Неро, где расположен Ростов Великий, с венечи-

анскими ландшафтами, а завидев издали высоченную колокольню села Поречье, в один голос воскликнули «Камапанила!», обнаружив ее схожесть с колокольнями Италии.

Не останавливаясь в своих собственных культурологических изысканиях, Ж.-П. Сартр, как вспоминает Е.Я. Дорош, задал ему любопытный вопрос, напрямую связанный с возможным взаимодействием большой и малой культур столь разных наций, и вот какова была рефлексия Е.Я. Дороша:

«Сартр спросил меня: поймут ли колхозники театр Брехта? <...> Я понял, что мог бы ответить Сартру утвердительно.

Пускай современные крестьяне понятия не имеют о вертете и пещном действе, где могли бы, как у Брехта, представлены быть три бога, странствующих в поисках доброго человека, самый прием этот близок к поэтическим воззрениям народа, до наших дней сохранившимся в сказке.

Едва ли я ошибусь, высказав предположение, что народное искусство, некогда воспринимавшееся как явление этнографическое, как только оно стало восприниматься со стороны эстетической, начало влиять сперва на поэзию и музыку, а потом и на живопись, на театр» [Дорош 1990, с. 681].

Другой чрезвычайно важный аналитический сюжет науки крестьяноведения, который находит свое самостоятельное отражение в размышлениях Е.Я. Дороша, связан с вопросами взаимоотношения крестьян с властью. Выдающийся американский крестьяновед Джим Скотт в своей монографии «Оружие слабых» подробным образом проанализировал разветвленную систему уловок, шуток, непонимания, вранья по отношению к начальству, эффективно и остроумно выстраиваемых подневольными крестьянами всех стран против угнетателей различных рангов. И если мы прочтем, например, обстоятельную и доброжелательную рецензию Е.Я. Дороша на повесть «Привычное дело» Василия Белова, мы обнаружим, как Е.Я. Дорош проникательно и сочувственно реконструировал не только истинно крестьянскую суть главного героя повести колхозника Ивана Африкановича, но и пришел к выводу, что тому приходится прибегать к испытанным средствам «оружия слабых», так как «Иван Африканович не хозяин у себя в колхозе, как это должно быть по самой природе коллективного хозяйства» [Дорош 1970, с. 289]. И, конечно, в самом «Деревенском дневнике» в еще большей степени отмечаются и анализируются разноуровневые направления применения «оружия слабых» подневольных сельских людей по отношению к начальству. Колхозники стараются обмануть своего председателя колхоза, а тот – районное начальство, и все это происходит потому, что колхозная деревня, как показывает Е.Я. Дорош, остается бесправной и бессильной перед контролирующей ее партийно-городской властью.

Здесь следует обратиться непосредственно к «Деревенскому дневнику» Е.Я. Дороша и истории его создания. Всякий культурный антрополог-крестьяновед, а именно таким по своей сути и был Е.Я. Дорош, должен иметь собственное исследовательское поле – деревню, сельскую местность, которую он постепенно анализирует, добывая и систематизируя местный эмпирический материал, свидетельствующий о соответствующей трансформации не только локального, но и всеобщего сельского бытия человеческого существования. К началу 1950-х гг.

Е.Я. Дорош, попутешествовав по многим селам и деревням различных регионов сельской России, осознал, что ему необходимо определиться именно с таким особым полем для своих пристальных наблюдений за дальнейшей эволюцией провинциального сельско-городского бытия.

Не сразу, но он все же остановил свой выбор именно на Ростове Великом и его сельских окрестностях. Это оказалось то самое место, где Е.Я. Дорош смог найти сочетание самых излюбленных тем с точки зрения собственной личностной культурной и исторической антропологии. Перед ним раскрылся край древней русской культуры, представленной в музейной архитектуре Ростовского кремля, литературе, иконописи, со всеми окрестными сельскими церквями и старинными крестьянскими домами. К тому же земли вокруг озера Неро, на котором стоит древний Ростов, также оказались уникальными в сельскохозяйственном отношении, ведь именно на них с давних времен развилась и окрепла местная крестьянская культура интенсивного огородничества, достигшая к началу XX в. не только всероссийской, но и европейской известности благодаря непревзойденным вкусовым качествам ростовского лука, горошка и других местных овощей. Кроме того, хотя ростовская земля и оказалась достаточно удаленной от столицы, в 200 км от Москвы, Ростов Великий все же находился во вполне приемлемой транспортной доступности, располагаясь на железной дороге и автотрассе Москва–Ярославль. Наконец, несмотря на все эти свои особенности, Ростовский район все же оказался вполне типичным местом для наблюдения эволюции колхозной и провинциальной повседневности всего советского Нечерноземья.

В течение почти двадцати лет вплоть до самой смерти каждый год Е.Я. Дорош подолгу жил в Ростове, останавливаясь как в самом районном городе, так и в окрестных деревнях у своих невымышленных сельско-провинциальных персонажей. Как часто полагается не только в очеркистско-публицистической, но и в социально-антропологической этике (чтобы не навлечь неприятности общественно-политического характера ни на своих собеседников, ни на себя лично), Е.Я. Дорош последовательно переименовал и Ростов, и озеро Неро, и его окрестные села и деревни, а также имена и фамилии знакомых ему людей.

Истинные ценители творчества Е.Я. Дороша ставят его дневник в один ряд с классической деревенской публицистикой XIX в. Николая Энгельгардта и Глеба Успенского [*Мельник* 2014], тем не менее до сих пор нет ни одного литературно-критического или социально-антропологического исследования, посвященного «Деревенскому дневнику» Е.Я. Дороша. Это произведение представляет собой книгу около тысячи страниц, состоящую из девяти объемных глав, в которых описаны и изучены многообразные эпизоды жизни Ростова-Райгорода и его окрестных деревень с 1954 до 1962 г., а также за 1967 г., т.е. того самого времени (от выполнения решений хрущевско-маленковского пленума до разгара косыгинской пятилетки), когда в сельской жизни страны проходили стремительно разнонаправленные и неоднозначные социальные изменения. Вместе с повышением благосостояния и бытовой культуры деревни, роста производительности сельскохозяйственного труда, постепенного выравнивания политических и экономических возможностей колхозников с возможностями горожан (отмена трудодней, выплата зарплат и пенсий, ослабление паспортных ограничений, улучшения социальной инфраструктуры) происходили фатальное раскрестьянивание деревни и слом ее традиционной культуры из-за безответственной экспансии технократизма и бюрократизма в сельскую жизнь.

В связи с этим представляется необходимым, прежде всего, систематизировать и сравнить дорошевские записи начальных 1954–1955 гг. и финального 1967 г. по таким ключевым и взаимозависимым темам, как взаимодействие «малой культуры» крестьянских домохозяйств с «большой культурой» районной власти, интеллигенции и так называемого мещанства, фокусируя внимание на центральном нерве всей культурно-антропологической проблематики Е.Я. Дороша – взаимодействии колхозного крестьянства с мещанством.

Начало «Деревенского дневника»: реконструируя райгородские трансформации 1954–1955 годов

В своем первом очерке Е.Я. Дорош прежде всего сконцентрировался на хронике взаимодействия местных колхозов с различными органами власти и домохозяйствами колхозников. Этот раздел дорошевского дневника написан, как может показаться, почти в традиционном жанре советского производственного очерка.

В начале своего повествования Е.Я. Дорош вместе с агрономом-мелиоратором из Москвы в июле 1954 г. осматривает кормовую траву, которая была высажена на трех гектарах колхозного поля, дав хороший урожай, она же способствовала осушению заболоченного луга. Далее Е.Я. Дорош в составе министерской комиссии принимает участие в изучении применения озерного ила для удобрения окрестных полей с целью повышения плодородия почв и увеличения урожайности местных культур. Впрочем, вскоре выясняется, что комиссия под руководством бестолкового чиновника работает неэффективно, местная агрохимлаборатория не может обеспечить необходимую чистоту эксперимента с сапропелем, в результате чего комиссия не в состоянии прийти к какому-либо определенному заключению. А впрочем, если и существует какая-то польза от сапропеля, то его еще надо как-то добывать из озера, намывать его на окрестные поля, но для этого нет подходящих труб, – в итоге вся суeta вокруг сапропеля от страницы к странице очерка заканчивается ничем, бесследно погружаясь в хляби бюрократизма, разведенного вокруг и так заболоченного озера.

Погода вокруг озера стоит непредсказуемая – и дождь, и солнце, – а местные колхозы как могут маневрируют техникой и людьми. Но маневры эти неуклюжие, часто совершаются с опозданием, потому что и система оплаты на трудодни мало стимулирует труд колхозников, и местная МТС (машинно-тракторная станция) плохо взаимодействует с колхозами, не обеспечивая своевременный выход сельхозтехники на поля. К тому же из райгородского райкома на головы председателей колхозов часто сыплются нервно противоречивые команды, скорее не помогающие, а мешающие работать. Впрочем, несмотря на всю эту очевидную расхлябанность райгородского партийного аппарата, к концу своего очерка Е.Я. Дорош старательно выписывает образы двух толковых председателей колхозов и вновь назначенного руководителя района, которые в целом успешно пытаются преодолеть все бюрократические трудности, иногда даже в чем-то нарушая законодательство. К тому же эти руководители стремятся быть и строгими, и одновременно великодушными по отношению к колхозникам.

Но повсюду этот слой колхозно-партийно-бюрократического сатирическо-романтического повествования Е.Я. Дороша как-то сам собой поглощается описанием массовой и спонтанной социально-экономической активности деревенских колхозников и райгородских обывателей. Приведем характерные примеры:

«Покамест комиссия (по определению эффективности применения сапропеля – А.Н.) бродит по полям, я думаю об одной бросающейся в глаза особенности здешнего колхоза. Все приусадебные участки здесь сплошь засажены луком, – ни дерева, ни кустика, ничего, что хоть сколько-нибудь напоминало бы «усадьбу». Да это и не усадьбы, так как многие участки находятся в поле. Это – товарные, промышленные плантации. Пожалуй, если соединить их вместе, то общая площадь окажется больше, нежели площадь, занятая луком в колхозе. А урожайность и по-прежнему больше, потому что на усадьбах агротехника лука выше: его и поливают, и пропалывают в срок, и удобряют лучше; хотя лето нынче засушливое, лук на усадьбах зеленый, чистый. А в колхозе лук беднее, перо уже начало желтеть, да и зарос он изрядно сорняками.

Выходит, не усадьбы при колхозе, а колхоз при этих усадьбах, поскольку они дают больше продукции. Меж тем колхоз этот – не из последних. <...> Колхоз даже числится миллионером.

А мне как-то не по себе стало, когда я увидел эти усадьбы-плантации и эти плохо обработанные, засоренные колхозные поля» [Дорош 1990, с. 17].

От обзора экономики крестьянско-колхозных домохозяйств Е.Я. Дорош обращается к экономике домохозяйств райгородских обывателей:

«В райкоме <...> разговариваем о туняядцах, населяющих Райгород. <...> Ткацкая фабрика не может освоить отпущенные ей на строительство восемь миллионов рублей – не хватает рабочей силы, – тогда как в городе сколько угодно строительных рабочих, которые официально не работают по своей специальности. Все эти каменщики и плотники частным порядком строят в колхозах скотные дворы, свинарники и телятники, зашибая большие деньги.

Это – выходцы, точнее, беглецы из деревни, промышленяющие всякими поделками: плотничают, кладут печи, копают силосные ямы. <...> Они околачиваются на базе, где занимаются мелкой перекупкой. Они состоят где-то в сторожах, в вахтерах, швейцарах, – словом, на должностях, которые позволяют иметь много свободного времени. Они выращивают на продажу лук, помидоры и огурцы; жены их, матери и дети что ни вечер тянутся по дороге через Ужбол в окрестные овраги за малиной, утром они возвращаются с “добычей”, торопятся на рынок. После малины пойдут орехи, а там и грибы» [Дорош 1990, с. 18].

В разгар огородно-ягодного сезона в основном женщины, представительницы как крестьянско-колхозных, так и обывательско-мастеровых домохозяйств, устремляются вереницами вдоль автомобильной трассы, нагруженные сумками со своей продукцией, в различные советские города. Е.Я. Дорош, описывая и наблюдая их, не упускает случая покритиковать неповоротливые советскую торговлю

и кооперацию, но одновременно уважительно отмечает трудолюбие и хозяйственную предприимчивость крестьянско-мещанских домохозяйств:

«В Райгороде цены не очень высоки: там свои сады. Вот и тянутся женщины изо всех сил, надрываются, ездят в область. Правда, можно продать вишню у себя в селе, кооперации, но цена там смехотворно низкая, раза в три ниже, чем в областном центре. Можно продать в Райгороде в горторг или сдать в комиссионный магазин, но и там цена невысокая. Поэтому-то в магазинах нет ягод, и горожане покупают их по высокой цене на базаре. Между тем существует штат торговых работников, получающих зарплату и не способных ни снабдить горожан ягодами (и другими сезонными сельскохозяйственными продуктами), ни облегчить положение колхозников, главным образом колхозниц.

Эти согнувшиеся под тяжестью корзин женщины вызывают злые мысли о здешних деятелях торговли, которые едва ли думают о том, как тяжело приходится такой вот бабе, и о том, что и сено, еще не скошенное или не убранное, и овощи, которые надо полоть, и хлеб, который вот-вот начнут жать, – что все это зависит от их, торговых деятелей, работы. А ведь среди них немало, надо думать, коммунистов» [Дорош 1990, с. 24].

Где же пути улучшения местной социальной жизни, выбивающейся из сил между бесхозяйственной суетой партийно-советских учреждений и беспросветной занятостью в колхозно-домохозяйственных трудах? Здесь Е.Я. Дорош берет за решительно утверждать, что местные крестьяне и обыватели отнюдь не косные и малоинициативные субъекты, которым никак не прожить без понуканий партийно-хозяйственного начальства, ведь именно среди них проявляется:

«<...> очень древняя культура здешнего овощеводства с его выработанными в течение многих столетий приемами. Все это создал народ, создал в результате опыта, наблюдений, без помощи со стороны, и не где-нибудь в щедрых солнцем местах, не на тучных землях, а здесь, где и солнца не так много бывает, где земля большей частью заболоченная. <...> И эта созданная народом земля, эти созданные им культуры овощей, эти выработанные многими поколениями агротехнические приемы, – все это, в сущности, поэма о русском земледелии и о русском земледельце.

К сожалению, древнее это мастерство утрачивается, не слышать что-то о молодых мастерах-овощеводах. А ведь сейчас возможностей куда больше, нежели прежде, наука могла бы прийти на помощь здешним овощеводам, сейчас можно бы механизировать труд овощевода» [Дорош 1990, с. 29].

Культура земледелия (и не только земледелия), союз малой локальной культуры огородничества, искусства возведения ладных и разукрашенных резьбой крестьянских домов с большой, городской культурой образованных интеллигентных специалистов, – вот, возможно, наиболее устойчивый и гуманный путь райгородского сельского развития, о котором много рассуждает Е.Я. Дорош на страницах своего дневника.

А как обстоят дела с сельской традиционной культурой – религиозной и бытовой? Хотя подавляющее число церквей закрыто и находится в полуразрушенном

состоянии, тем не менее проявления повсеместной религиозности еще сказываются в райгородских деревнях, например, в сохраняющейся традиции престольных праздников каждой деревни, когда крестьяне не выходят на колхозную работу, предаваясь коллективным гуляньям и выпивке. Вообще в колхозах пьянство имеет место, но, как правило, оно проявляется сразу после завершения тяжелых сельскохозяйственных работ, чтобы можно было народу отдохнуть-расслабиться, да на праздники советские и религиозные. Повседневных примет пьянства Е.Я. Дорош в своем дневнике не фиксирует. Именно в сохраняющейся культуре местных праздников Е.Я. Дорош отмечает проявляющиеся иногда остатки бунтарского неповиновения колхозу отдельных райгородских деревень:

«<...> в Стрельцах колхозники открыто украли сено, увезли его на лошади, которую дал бригадир. Председатель посылал за этим сеном шофера, чтоб забрал, но тот побоялся ехать: народ там отчаянный, могут и убить, и поджечь. Стрельцы славятся и воровством своим, и драками до смерти.

Председатель послал в Стрельцы милицию и следователя, сказал, чтобы обязательно нашли воров и примерно наказали.

И в Вексе, по случаю престола, сидит милиция.

Интересно, что та сторона озера, где Ужбол, по преимуществу тихая: ни драк там не бывает, ни особенного пьянства, ни воровства, и вообще здешний народ приветливый, незлобивый. А вот на другой стороне озера, где Векса и Усолы, в праздник обязательно какая-нибудь история произойдет» [Дорош 1990, с. 42].

Безусловно, Е.Я. Дорош в своем дневнике уделяет внимание и высокой, древней культуре Ростовского кремля, к реставрации которого приступили в середине 1950-х гг. Он поднимает свой голос и в защиту разрушающихся местных деревенских церквей, предлагает отреставрировать величественно красивую колокольню села Рыбное:

«Колокольня эта и не очень древняя, но весьма любопытна по своеобразной архитектуре.

Грешно, право, предать постепенному разрушению эту величественную, воплощенную в камень фантазию крестьянина» [Дорош 1990, с. 47].

В целом же от этого первого дорошевского дневникового очерка остается впечатление хотя и тяжелой, бедной, но все же достаточно полнокровной и органичной колхозной жизни Райгорода, улучшившейся к середине 1950-х гг., поскольку по райгородским деревням «<...> многие строятся или ремонтируются: постукивают топоры, белеют стропила, из пазов между бревен свисают на восковую их желтизну рыжие махры моха» [Дорош 1990]. Эти дома стараются по-прежнему соответствовать облику здешней традиционной архитектуры, впрочем, все это представляется Е.Я. Дорошу неустойчивым, потому что слишком большие потери понесла деревня за прошедшие десятилетия, и хотя крестьянские дома продолжают ремонтироваться и строиться, но все же сам традиционный демографический культурный уклад деревни основательно нарушен, о чем свидетельствуют

строчки дорошевского дневника, которыми хочется заключить аналитическое обозрение его очерка 1954–1955 гг.:

«<...> обрадовал меня этот строящийся в Ужболе дом. А то ведь деревня наша обеднела людьми. К примеру, я давно уже не видел многолюдной крестьянской семьи, с дедом и бабушкой, с сыновьями, дочерьми, снохами и зятьями, внуками и внучками, от которых тесно и шумно, но весело в деревенском доме» [Дорош 1990, с. 23].

Окончание «Деревенского дневника»: реконструируя райгородские трансформации 1967 года

Свой заключительный очерк 1967 г. о поездке в Ростовский район Е.Я. Дорош начинает с описания старинного торгового села Залесье, по пути к которому и в нем самом автор отмечает повсюду стоящие ободранные церкви с проседающими куполами и покосившимися крестами, вокруг этих церквей бурно растет репейник, поблескивает битое стекло, попахивает отхожим местом. Самому селу Залесье также присущи признаки запустения. Как отмечает Е.Я. Дорош, раньше это было торговое село, до недавнего времени его жизнедеятельность поддерживалась работой советских учреждений. После очередного административного укрупнения с ликвидацией местных управленческих функций *«<...> село являло собой сонный вид. Громыхая кузовом, проехал запыленный автобус. Помятое такси остановилось посреди площади, высадило приехавшую в отпуск семью с чемоданами и эмалированными ведрами под грибы и варенье. Возле квасного ларька, в котором сидела толстая баба в белом, загрязнившись на груди халате, довольный собой мальчик, достав из кармана бутылку, разливал по кружкам вермут – себе и старику с ржаной буханкой под мышкой. Чокнувшись, они выпили и стали запивать квасом» [Дорош 1990, с. 620].*

С первых страниц становится ясно, что сельская жизнь по сравнению с предыдущими временами медленно, но неуклонно продолжает погружаться в сонное запустение, с другой стороны, влияние города с его экспансией транспортной доступности возрастает. Е.Я. Дорош, оказавшись в селе Ужбол, отмечает:

«Теперь вот и в Ужбол пошел автобус. В первый мой приезд (1954 г. – А.Н.), да и долгие годы спустя, здесь останавливались машины, чаще всего грузовые, следующие со стороны Москвы или областного центра и, боже мой, сколько же народу кидалось им навстречу, с мешками, в которых болтались пустые бидоны, с корзинами, чемоданами. <...> И сейчас здесь стоят машины. Длинные комфортабельные “икаруссы”, совершающие дальние рейсы, останавливаются посреди площади. Сельские автобусы – поменьше и поскромнее – стоят перед белыми табличками с большой красной буквой “А”, прикрепленными к стенам чуть ли не всех зданий, выходящих на площадь» [Дорош 1990, с. 624].

Впрочем, неизменными остаются контингент и поведение пассажиров: как только автобус открывает свои двери, так в основном пожилые женщины «<...>

принялись протискиваться вперед, сокрушая все вокруг переброшенными через плечо на полотенце бидонами и корзинами» [Дорош 1990, с. 625]. Этот фрагмент описания свидетельствует, что и 15 лет спустя женская торговля излишками личных подсобных хозяйств по-прежнему остается важнейшим фактором местной экономики. Хотя и на Ужболе сказывается неотвратимая мерзость административного запустения, связанная с недавно проведенным укрупнением колхозов в совхозы. Вот как описывает это Е.Я. Дорош:

«Ужбол, представляется мне, стал зеленее. Травой заросла некогда выбитая земля, где девочки отплясывали “елецкого”. И перед бывшим клубом <...> все заросло травой. Зазеленели все те места, где с булыжного моста съезжали к избам машины.

Есть и еще нечто в облике села, кроме раскустившейся повсеместно муравки, – например, отсутствие некоего центра, где бы ожидал хозяина пропыленный газик, куда бы кто-либо поспешал и откуда, озабоченный, уходил, – есть и еще приметы, едва уловимые, правда, позволяющие с уверенностью сказать, что село утратило свое руководящее в производственном процессе положение» [Дорош 1990, с. 626].

Конечно, Е.Я. Дорош уделяет большое внимание положению дел в местных личных подсобных хозяйствах, почти бесстрастно констатируя, что в обширном селе Ужбол в середине 1950-х гг. стадо коров в 100 голов занимало чуть ли не всю центральную улицу, сейчас, 15 лет спустя, в селе осталось 25 коров. Его знакомая, несколько лет назад собрав все наличные средства и купившая на ферме корову, чему несказанно радовалась и гордилась, с образованием совхоза поторопилась корову продать, так как ее предупреждали, что совхоз коров единоличников пасти не разрешит и не даст накопить для них корм. Е.Я. Дорош также отмечает, что в окрестных селах стали строить больше новых домов:

«Повсюду среди бревенчатых домов, по преимуществу серых от времени, хотя встречаются и обшитые вагонкой, покрашенные масляной краской, резко выделяются светло-серые домики из силикатного кирпича под шиферными крышами» [Дорош 1990, с. 632].

Е.Я. Дорош относится к этому последнему типу домов очень критически:

«Это архитектура двух или трех прямых линий, ни солнце, ни дождь, ни движение облаков не способны отозваться в глухом материале ее плоскостей, она выключена из природы <...> здесь конец крестьянскому искусству» [Дорош 1990, с. 632].

Впрочем, даже такие силикатные многоквартирные домики еще как-то вписываются в традиционный ландшафт и лад российской сельской жизни, но до ростовской земли дошли и самые модные и радикальные идеи преобразования в сельской

архитектуре России. Например, Е.Я. Дорош упоминает своего знакомого литератора, который, ссылаясь на авторитетное мнение ученых, заявлял, что для современной деревни достаточно 8–10% населения, которое прокормит всю остальную страну. Главная проблема будет в том, как удержать на селе даже эти 8–10%, потому что никому не хочется жить в условиях хуже городских, а потому, заявлял литератор, в каждом районе средней России вместо существующих в среднем 350 деревень необходимо построить примерно 35–40 крупных благоустроенных поселков. Но Е.Я. Дорош полемизирует с этой точкой зрения, возражает ей, отталкиваясь от эстетической и экзистенциальной ценности земли, ландшафта, являющихся первоосновой традиционного сельского расселения. С другой стороны, Е.Я. Дорош с тревогой признает:

«Но современный колхозник, не говоря уже о рабочем совхоза, состоит в столь отдаленных и не прямых связях с землей, что сокращение удобных площадей в хозяйстве не сразу и не катастрофически скажется на его достатке, а когда скажется, то побудит переехать в какой-либо промышленный центр.

Однако, если не нужда, не хлеб насущный, то что же еще может заставить вольного в своем выборе крестьянина жить в условиях значительно худших, чем городские? А они хуже даже в таком сравнительно благоустроенном селе, как Ужбол» [Дорош 1990, с. 637].

Далее Е.Я. Дорош высказывает свое разумно-компромиссное мнение о возможном сельском развитии России:

«Если бы существующие проселки спрофилировать, обезопасить от действия грунтовых вод, имея для этого типовые проекты, учитывающие местные особенности, застроить деревенские поселения современными домами с водопроводом и канализацией, с электричеством, газом, центральным отоплением и телефоном – все это в подмосковных дачных поселках, но почему-то отсутствует в расположенных неподалеку деревеньках, – мне думается, что если хозяевам этих многоквартирных, в три-четыре комнаты, домов дать дешевый и прочный автомобиль или мотоцикл, <...> то в деревне будет жить столько людей, сколько требуется для рационального ведения хозяйства» [Дорош 1990, с. 638].

Но на пути этой альтернативы уже видится недавно выстроенный в Ужболе двухэтажный кирпичный барак. Е.Я. Дорош упоминает, что он уже встречал и трех-, и четырехэтажные строения подобного рода почему-то с плоскими крышами, совершенно неподходящими для снежных русских зим. Такие дома тотально разрушают мягкие природно-культурные очертания российской равнины. К тому же вокруг таких псевдогородских строений их обитатели хаотически пристраивают так называемые «сарайки» для инвентаря и живности своих подсобных хозяйств. Е.Я. Дорош застал и отметил начало экспансии этой советской городобарачной сельской архитектуры, обезобразившей собою не только ростовскую землю, но и обширные сельские пространства всего СССР.

И все же Е.Я. Дорош вновь уповает на бытовую смекалку провинции, по-своему, пусть и частично, но все же старающейся выправить, подлатать ошибки бюрократического дизайна сельского развития:

«Провинция обминает и перерабатывает все то, что приходит извне. Способна ли она переделать на свой манер и этот дом с его двухэтажными верандами из плохо оструганного теса, с его прямыми козырьками над щелястыми дверьми <...> способна ли она сообщить нечто от своей непосредственности этой таре для жилья?»
[Дорош 1990, с. 644].

Проблематичность ответа на этот вопрос, по мысли Е.Я. Дороша, заключается в том, что часто ростовские жители, отказываясь жить и работать в таких сельских условиях, уезжают в города, а в этих новомодных домах-бараках селятся пришлый народ, зачастую лишенный особой крестьянско-мещанской ментальности.

В своем последнем очерке наряду с фиксированием новой напасти – грубо-массового сельско-городского строительства – Е.Я. Дорош отмечает и прогресс безудержного распространения застарелой социальной болезни русской провинции – пьянства. Если в предыдущих очерках Е.Я. Дороша колхозники преимущественно напивались на праздники и по особым случаям, то к 1967 г. пьянство распространяется безудержно как привычно-повседневное явление. Е.Я. Дорош приводит характерный случай колхозного скотника Натюхи, который сильно пьяный, перелопачивая около большой фермы, по словам местной доярки, «цельный Кавказский хребет» скопившегося навоза, сорвался с навозной кручи в пропасть навозной жижи, стал тонуть, но подоспевшие доярки успели его вытащить из этой зловонной пучины. Е.Я. Дорош с горечью приходит к выводу:

«Но Натюха и ему подобные едва ли крестьяне, потому что только лишившись корней, потерявши представление о том, что такое сосед, улица, мир, которые в десятом колене будут помнить, как человек тонул в навозе, можно допустить себя до такого позора» [Дорош 1990, с. 645].

Из ростовских деревень Е.Я. Дорош возвращается в сам Ростов-Райгород. Если в своих предыдущих очерках, Е.Я. Дорош всегда уделял внимание характеристикам действий местной районной власти, то теперь он ограничивается лишь упоминанием, что и для райкома выстроили новое помещение, которое местные жители прозвали «детский сад» за схожесть его по своей архитектуре с местным детсадиком. В этой забавной характеристике чувствуется упрек местной власти в ее инфантилизме привычно суетливой игры в администрирование окружающей действительности.

Осматривая жизнь Ростова-Райгорода, заглядывая в его магазины, Е.Я. Дорош, безусловно, подмечает, что по сравнению с предыдущими временами жизнь материально улучшилась, потребности у людей выросли, а с другой стороны, их нелегко удовлетворить из-за повсеместного дефицита продуктов и товаров: например,

в райгородском мясном магазине на прилавке лежат лишь утки, свинину подвезут только вечером, а говядина в ближайшее время вообще не предвидится. Женщина в обувном магазине, спросившая, есть ли в продаже модные туфли – танкетки, в ответ услышала: «*Есть, только неважные: “Ни шагу назад!”*» [Дорош 1990, с. 649].

Далее Е.Я. Дорош метко фиксирует проходящий через всю советскую социальную историю конфликт между идеологическими призывами к романтической жизни среди покорения дикой природы и банальными стремлениями к повседневному уюту:

«Перед магазином напротив, откуда гремят спортивные марши, обрываются, пережегаясь томными, с придыханиями песенками о том, как хорошо у костра или в палатке, причем создается впечатление, что это образ жизни всего населения страны, всем стихиям предпочитающего пургу, – перед магазином напротив, обняв разных размеров картонные коробки с изображением рюмок, счастливые обладатели радиол и современного идола – телевизора бережно опускают покупку на сиденье газика или в застланную соломой телегу» [Дорош 1990, с. 649].

Тем не менее люди в Райгороде, чтобы прожить, как всегда, трудятся и, как всегда, кроме своего формального места работы, еще и уповают во многом на свои личные подсобные хозяйства. Прогуливающийся по улочкам Райгорода Дорош так описывает свои впечатления:

«Я люблю это неспешное возвращение боковыми улочками, когда обитатели этих по преимуществу одноэтажных домиков, отработав на фабрике, в учреждении или в каких-либо мастерских, наскоро поев, пока еще жарко и поливать огороды нельзя, ворошат сено перед домом на улице, везут с озера тресту в огромных мешках, припасают воду для поливки, причем меня всегда восхищает великое разнообразие тележек и тачек – то с одним, от мотороллера, колесом, то с двумя велосипедными или даже автомобильными, то с четырьмя чугунными, небольшими, бог весть из-под чего» [Дорош 1990, с. 653].

Это описание неистребимой привязанности райгородцев к своим огородам уже на заключительных страницах очерка вновь побуждает Дороша к размышлению о значении традиционных знаний и занятий местных жителей, которые продолжают игнорироваться всеобщей советской аграрной политикой, стремящейся все планировать и унифицировать в близких технократических масштабах.

В итоге своих описаний и размышлений Е.Я. Дорош с тревогой отмечает, что в 1960-е гг. произошло фатальное сокращение производства не только в личных подсобных, но и в коллективных хозяйствах различных видов местной продукции – от коровьего молока до лука и горошка. Последние страницы дорошевского дневника пронизаны мрачной тревогой за дальнейшую судьбу древнего и знаменитого ростовского сельского хозяйства. Вместе с тем Е.Я. Дорош предчувствует и предсказывает будущие перспективы Райгорода, прежде всего как замечательного города-музея, несмотря на то, что в 1960-е гг. его историко-архитектурные сокращения

вища пребывают в затрапезном состоянии. Оказавшись в центре города, среди его старинных торговых рядов, Е.Я. Дорош отмечает:

«Чуть ли не два столетия провинциальной русской архитектуры представлены здесь, и турист пришел бы в ужас от того, как это все выглядит, для меня же это милая сердцу не одна лишь каменная, но и социальная летопись. Только бы не ломали, стыдясь «некультурности». <...> А придет время, все это будет отреставрировано, под аркадами станут торговать сувенирами, кустодиевские тройки будут мчать туристов, музеем станет живая жизнь» [Дорош 1990, с. 649].

А в итоге этот очерк завершается оптимистическим авторским заключением, подводящим итог хронике и всех предшествующих очерков:

«Я благодарен судьбе, что она дала мне увидеть, как движется жизнь. И если сравнить то, что было здесь пятнадцать лет назад, с сегодняшним днем, можно сказать – человек стал жить лучше» [Дорош 1990, с. 664].

Тревожные предчувствия за судьбу Райгорода и всей страны не покидали Е.Я. Дороша до конца жизни. Чему, например, служит свидетельство Владимира Войновича: «Когда-то, когда я был молодой, писатель Е.Я. Дорош сказал мне: “Мне-то что. Я человек старый и до светлого будущего не доживу. А вас жалко, вы доживете”» [Войнович 2003, с. 7].

Что же можно сказать о хронике Райгорода и ее создателе 50 лет спустя после завершения дорошевских очерков? Для этого лучше всего кратко обозреть современный Райгород – Ростов Великий со всеми его окрестностями, задаваясь вопросом о том, какие из наблюдений и предположений Е.Я. Дороша находят свое отражение в нынешней жизни. Безусловно, уверенность писателя в том, что древнейший русский город наконец-то превратится в замечательный город-музей, в значительной степени оправдалась. Красавец Ростовский кремль с его достопримечательностями действительно стал местом постоянного паломничества туристов, хотя в целом город Ростов все еще пребывает в скромном состоянии, типичном для большинства малых городов России.

Подтвердилась и тревога Е.Я. Дороша за судьбу ростовского, а если брать шире, и всего сельского Нечерноземья России: рухнули, оставшись в прошлом, бестолково опекаемые советской властью райгородские колхозы и совхозы, успев фатально подорвать и обескровить крестьянский менталитет сельской России.

В постсоветское время сохранившиеся ростовские семейные подворья с их славной многовековой овощеводческой специализацией, избавившись от унылого контроля райкома партии, столкнулись с глобальной международной торговой конкуренцией, когда азербайджанские, а также израильские, польские и другие овощи дальнего и ближнего зарубежья через торгово-рыночные сети выдавливают местную, уникальную, экологичную продукцию даже с собственных ростовских рынков.

Кажется, со времен Е.Я. Дороша не уменьшились инфантилизм и беспомощность российских районных властей, полностью спеленатых с советского времени указаниями и выделяемыми ресурсами из центра.

Церкви, конечно, в Ростове и его окрестностях по большей части приведены в приличный вид, впрочем, гигантская красавица-колокольня в селе Поречье-Рыбное, та самая кампанила, вызывавшая восторг Жана Поля Сартра и Симоны де Бовуар, пребывает и поныне в состоянии запустения и разрушения.

Жизненно важным, но неоднозначно определенным остается сельско-мещанский антураж провинциальных домохозяйств, столь любезный сердцу Е.Я. Дороша. Благодаря своему долготерпению, трудолюбию и смекалке, они сумели пережить кризисные девяностые годы прошлого века, но сейчас сельско-провинциально-мещанская стихия российских райгородов находится на распутье. Ее богатейшие представители не приложили сколько-нибудь заметных усилий для культурного обустройства российской окружающей среды, но уже успели изуродовать российские природные ландшафты своими архитектурно-дурновкусными особняками-коттеджами. При этом остальная сельско-провинциальная Россия старательно обустривает свои ветшающие жилища пластиковыми окнами, ондулиновыми крышами и евроремонтами, стремясь в свободное от работы время очутиться на любовно обихаживаемых приусадебных и дачных сотках.

Вся современная сельско-городская провинциальная Россия нуждается в дальнейшем пристально-глубоком постижении ее жизни, которое было столь присуще Е.Я. Дорошу. Что ценного и полезного из творческого наследия Е.Я. Дороша может почерпнуть современный исследователь миров России? Прежде всего внимательную междисциплинарную, долговременную аналитику, присущую этому автору. В наш чрезвычайно суетный не только общественно-деловой, но и интеллектуально-академический век пристально-неспешные тексты Е.Я. Дороша являются своеобразным камертоном и эталоном для всякого вдумчивого гуманитарного познания действительности. Также чрезвычайно актуальным для нас остается познание часто едва различимых граней официальных и неофициальных, формальных и неформальных отношений повседневности сельско-городских миров России, в чем Е.Я. Дорош был безусловным виртуозом, глубоко и неоднозначно интерпретируя текучую трансформацию российской действительности.

Наконец, большинство исследователей стремится постигнуть и описать прежде всего «Великие трансформации» в духе Карла Поланьи, эпохально влияющие на политэкономическую судьбу разных регионов, стран и народов, а Ефим Яковлевич Дорош дает нам образец изучения «малых трансформаций» на уровне микроистории и микросоциологии, определяющих в конечном счете диалектику взаимодействия «великого» и «малого» для всей России на примере истории и современности одного отдельного Райгорода.

Литература

- Войнович В.Н. (2003) Демократия в погонах // Новые известия. 21 ноября 2003 // <https://newizv.ru/news/society/21-11-2003/2956-vladimir-voynovich>
- Гладков А.К. (2015) Дневник. 1967 // Новый Мир. № 6. С. 110–129 // http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2015_6/Content/Publication6_1582/Default.aspx

- Дорош Е.Я. (1939) Маршальские звезды. М.: Правда.
Дорош Е.Я. (1941) Военное поле. М.: Советский писатель.
Дорош Е.Я. (1948) Новый секретарь: Рассказы. М.: Правда.
Дорош Е.Я. (1952) С новым хлебом. М.: Советский писатель.
Дорош Е.Я. (1970) Живое дерево искусства. М.: Искусство.
Дорош Е.Я. (1990) Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель.
Казак В. (1996) Лексикон русской литературы XX века. М.: Культура.
Лакшин В.Я. (2004) После журнала. Дневник 1970 года. Продолжение // Дружба народов. № 10. С. 90–118.
Лихачев Д.С. (1990) О Ефиме Яковлевиче Дороше // Дорош Е.Я. Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель.
Мельник Л. (2014) Везде следы довольства и труда? // Проза.ру // <http://www.proza.ru/2014/11/24/771>
Рабинович М.Г. (2005) Записки советского интеллектуала. М.: Новое литературное обозрение.
Твардовский А.Т. (2009) Новомирский дневник. Т. 2: 1967–1970. М.: ПРОЗАИК.
Турков А.М. (2005) В борьбе с беспамятством // Новый Мир. № 10. С. 201–208 // http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2005_10/Content/Publication6_2610/Default.aspx
Турков А.М. (2008) «Тихий» писатель. К столетию со дня рождения Ефима Дороша // Российская газета. 25 декабря 2008 // <https://rg.ru/2008/12/25/pisatel.html>

Yefim Dorosh and His “A Village Diary”: the Rural-Urban Transformation in Russia and Rostov²

A. NIKULIN*

***Alexander Nikulin** – PhD in Economics, Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 82, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation. E-mail: nikulin@ranepa.ru

Citation: Nikulin A. (2019) Yefim Dorosh and His “A Village Diary”: Observing the Rural-Urban Transformation in Russia and Rostov. *Mir Rossii*, vol. 28, no 4, pp. 172–192 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-172-192

Abstract

This article reviews the peasant studies of the writer and literary critic, Yefim Yakovlevich Dorosh and describes the milestones of his creative biography. In the first part of the article, special attention is paid to the formation of Dorosh not only as a writer, but also as

² This research was supported by the Russian Foundation for Humanities, Project No. 18-011-00568 “Models of interaction of agricultural business and local authorities: mechanisms of reproduction of the entrepreneurs’ stratum and informal economy in the Non-Black Earth Region”

an original researcher. I show that the theme of the relationship of the peasantry with the city as a peculiar symbiosis of peasant-urban culture was central to the works of Dorosh. The remainder of the article is devoted to an analysis of the first and the last essays in the collection of his works titled “Half Rainy, Half Sunny: A Village Diary”. Particular attention is paid to his analysis of the transformations in urban-rural relations between Rostov and the surrounding villages in the essays of 1954–1955 and 1967. I argue that Dorosh was a pioneer in the study of the informal urban-rural economy in Soviet Russia. I also emphasize that it was Dorosh who noted a certain positive value of the elements of entrepreneurship which the Soviet ideology ignored or attempted to denigrate. In the conclusion, I discuss the significance of the creative heritage and the method employed by Dorosh for studies in rural-urban transformations in contemporary Russia.

Key words: Ye.Ya. Dorosh, rural Russia, peasantry, petty bourgeoisie, small towns, informal economy, business, bureaucracy, culture

References

- Dorosh Ye.Ya. (1939) *Marshal'skie zvezdy* [Marshall Stars], Moscow: Pravda.
- Dorosh Ye.Ya. (1941) *Voennoe pole* [Military Field], Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Dorosh Ye.Ya. (1948) *Novyj sekretar'* [New Secretary], Moscow: Pravda.
- Dorosh Ye.Ya. (1952) *S novym khlebom* [With New Bread], Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Dorosh Ye.Ya. (1970) *Zhivoe derevo iskusstva* [The Living Tree of Art], Moscow: Iskusstvo.
- Dorosh Ye.Ya. (1990) *Dozhd' popolam s solntsem. Derevenskij dnevnik* [Half Rainy, Half Sunny. A Country Diary], Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Gladkov A.K. (2015) Dnevnik. 1967 [Diary. 1967]. *Novyj Mir*, no 6, pp. 110–129. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2015_6/Content/Publication6_1582/Default.asp, accessed 31.08.2019.
- Kazak V. (1996) *Leksikon russkoj literatury XX veka* [The Lexicon of the Russian Literature in XXth Century], Moscow: Kul'tura.
- Lakshin V.Ya. (2004) Posle zhurnala. Dnevnik 1970 goda. Prodolzhenie [After the Journal. The Diary of 1970 Diary. A Continuation]. *Druzhba narodov*, no 10, pp. 90–118.
- Likhachev D.S. (1990) O Efime Yakovleviche Doroshe [On Efim Yakovlevich Dorosh]. *Dorosh E.Ya. Dozhd' popolam s solntsem. Derevenskij dnevnik* [Half Rainy, Half Sunny. A Country Diary], Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Mel'nik L. (2014) Vezde sledy dovol'stva i truda? [Traces of Satisfaction and Labor Everywhere?]. *Proza.ru*. Available at: <http://www.proza.ru/2014/11/24/771>, accessed 31.08.2019.
- Rabinovich M.G. (2005) *Zapiski sovetskogo intellektuala* [The Notes of a Soviet Intellectual], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Tvardovskij A.T. (2009) *Novomirskij dnevnik. T. 2: 1967–1970*. [Novomirskij Dnevnik. Vol. 2: 1967–1970], Moscow: PROZAIK.
- Turkov A.M. (2005) V bor'be s bespamyatstvom [In the Fight against Unconsciousness]. *Novyj Mir*, no 10, pp. 201–208. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2005_10/Content/Publication6_2610/Default.aspx, accessed 31.08.2019.
- Turkov A. M. (2008) «Tikhij» pisatel'. K stoletiyu so dnya rozhdeniya Efima Dorosha [“A Quiet Writer”. To the Century Since the Birth of Efim Dorosh]. *Rossiyskaya gazeta*, December 25, 2008. Available at: <https://rg.ru/2008/12/25/pisatel.html>, accessed 31.08.2019.
- Vojnovich V.N. (2003) Demokratiya v pogonakh [Democracy in Uniform]. *Novye Izvestiya*, November 21, 2003. Available at: <https://newizv.ru/news/society/21-11-2003/2956-vladimir-voynovich>, accessed 31.08.2019.